

ГАУПТВАХТА

У Мишки был день рождения. После обеда именинник сбегал в город и купил бутылку коньяка. Старшина-каптерщик заметил, как Мишка спрятал в тумбочку бутылку, и ее украл. Это видел один биолог из второй батареи и нам рассказал. Мы сидели на плацу и решали, что нам делать со старшиной. Кто-то вспомнил, что он уже дважды пытался наехать на наших историков с разными придирками. По решению коллектива я зашел к старшине в каптерку и вежливо предупредил, чтобы к вечеру бутылка лежала на месте.

– Взять не значит украсть! – нагло заявил старшина.

– Ну, смотри. Сам же хвастался, что солдатскую бляху на ощупь в темноте за сто метров узнаешь, – доброжелательно предупредил я, – до вечера.

Старшина испугался и не стал ждать вечера. После ужина он подкараулил Мишку и сознался в краже бутылки, которую выпил вместе с поварами. Другую бутылку старшина купить не успел и отдал Мишке четыре рубля с копейками. Радости нам от этих денег не было никакой. Побить старшину тоже удовольствия мало – мы были старше его на четыре года и почти все ребята имели разряды по боксу или самбо. Это всё равно, что побить школьника. Но и без наказания оставлять это дело было никак нельзя.

День рождения был испорчен. Мы спели всухую несколько песен. Как всегда, удалась «Баллада о парашютах» Михаила Анчарова:

«Парашюты надулись и приняли вес!

Земля колыхнулась едва,

Под нами дивизии Эдельвейс

И Мертвая голова» – ревели мы в сорок глоток.

Потом дважды «порвали парус». Потом отбой.

Глубокой ночью, при тусклом свете казарменных ламп, мы осторожно вынесли спящего старшину вместе с койкой в туалет, где он мирно проспал до утра под монотонное и задумчивое гудение унитазов.

В воскресенье нас погнали на прополку овощей на подсобный огород части, и мы до отвала наелись свежей редиски, так что щипало во рту. После обеда у всех появилось свободное время. Переодевшись в гражданское, которое каждый студент умело прятал в матрасе, мы перемахнули через забор и отправились в первую самоволку. Из нас троих только Мишка отслужил три года в Германии.

По случаю вчерашнего дня рождения решили выпить. Купили вина, закуски и расположились на газоне в парке. Разогретые портвейном мы с Абрашей стали бороться на траве и тут нас засек милиционер. Он подошел и довольно дружелюбно предложил очистить газон. Мы стали убирать за собой, как вдруг по дорожке парка к нам быстро подлетела «Раковая шейка» – синий милицейский ГАЗик с красной полосой. Из машины выскочили два сержанта и, ни слова не говоря, набросились на нас.

Через минуту нас с Абрашей повязали, а Мишка успел убежать. В зарешеченном кузове «Раковой шейки» нас доставили в районное отделение милиции.

Возмущению нашему не было границ. Мы кричали из-за решётки КПЗ, что обязательно напишем куда следует, и что милиционерам, отобравшим у нас почти целую бутылку вина, ещё икнется! Дежурный за перегородкой не обращал на нас никакого внимания.

– Мы военнослужащие! – вдруг заявил Абраша.

Сержант записал номер нашей части и тут же позвонил в комендатуру, откуда за нами выслали патрульную машину. Из одного КПЗ мы переехали в другое на гарнизонную гауптвахту, где и провели ночь на крашенных деревянных нарах.

Утром за нами пришел хмурый замполит части. Сначала мы думали, что все не так и страшно: ну дадут суток трое гауптвахты и все дела! Но дежурный милиционер не забыл наши угрозы «написать куда следует» и сделал упреждающий ход. Мы с удивлением узнали, что нам инкриминируют нападение на милиционера в парке! И свидетелями были те два сержанта из патрульной милицейской машины.

– Успеете всё рассказать, – пресек наши возгласы замполит.

В части нас отстранили от занятий и направили к «военному дознавателю» – лысому, удивительно косноязычному майору. Дознаватель подробно допросил нас, но защищать нашу честь и достоинство не захотел. Больше всего его волновал вопрос: кто ещё был с нами в парке. Мы вешали лапшу ему на уши, уверяя, что с нами были какие-то местные ребята, которые сразу же отвалили. Майор печенкой чувствовал, что с ними были курсанты в самоволке, но мы стояли на этой версии насмерть.

– Ничего, разберемся, – утешил нас дознаватель и перешел к самому важному для него вопросу – выявлению зачинщика.

– Кто первый предложил уйти в самоволку и выпить?

Абраша состроил такие невинные глаза, что сам Господь Бог не усомнился бы в его честности. Дознаватель пристал ко мне, но я твердил, что не помню таких деталей. Сломавшись на выяснении этого вопроса, майор обозлился и вдруг заорал на нас:

– Здесь вам не там! Здесь вам тут! Вы на сборах или кто? А если вам не нравятся эти сборы, то устроим вам более другие, – пригрозил он.

Дознаватель повел нас к командиру части – свирепому на вид полковнику Кварцхелия. В коридоре мы слышали, как полковник в своем кабинете орал на майора:

– На войне мой атец – был русский комбат. Он погиб, я живой. Запомни, хрен лысый, май салдаты – май дэти, спуску им нэ дам, но и в обиду нэ дам!

– Они же не наши, а университетские, – бубнил дознаватель.

– Как это нэ май, если я у них присягу принимал? Разберись с милицией!

– Ребята говорят, что два курсанта из военно-медицинской академии видели, как их забирали, и могут всё подтвердить, – быстро сориентировался дознаватель, понимая, что командир на нашей стороне.

– Найды этих курсантов и припугни мэнтов! – приказал полковник. – Всё ыдыте!

Мы с Абрашей молча пожали друг другу руки.

– Вот каким должен быть настоящий командир, – с гордостью заметил Абраша, – для солдат – отец родной.

Сердитый дознаватель увел нас к себе в кабинет.

Допросы кончились, но к занятиям нас по-прежнему не допускали и посылали на разные хозяйственные работы. Ребята организовали общее комсомольское собрание с целью взять нас «на поруки». Тут оказалось, что я единственный из ста восьмидесяти курсантов не комсомолец. Как-то так получилось, что за время обучения в университете меня так и не приняли в комсомол, хотя я дважды подавал заявление. Но ребята стояли за меня горой. Особенно горячо выступал в нашу защиту командир взвода биологов.

Направили петицию командиру части и в милицию. Все чувствовали, что нам это может быть «чревато боком».

На другой день после обеда начальник сборов выстроил на плацу все четыре батареи. Майор-дознаватель зычным голосом выкрикнул:

– Курсант Абрамов!

– Я!

– Курсант Белов!

– Я!

– Выйти из строя!

Мы с Абрашей одновременно вышли из строя и повернулись к взводу лицом. Все замерли в напряжении.

«Сейчас сорвут с нас погоны и в тюрьму», – с тревогой подумал я.

Майор долго распространялся о том, что нехорошо ходить в самоволку, распивать спиртное и «дисциплину хулиганить». Наконец, он зачитал приказ командира части:

– Десять суток ареста!

– Есть, десять суток ареста! – дружно рявкнули мы с Абрашей с чувством глубокого удовлетворения.

По батареям пронёсся вздох облегчения – все ребята переживали за нашу судьбу. Потом мы узнали, что дознаватель пригрозил милиции свидетелями, и те сняли обвинение.

Мы были допущены к занятиям и с жадностью набросились на «правила стрельбы». Но учеба длилась недолго, через два дня с запиской об арестовании нас под конвоем отправили на гарнизонную гауптвахту.

В сопровождении караульного с автоматом и сержанта мы шли медленно, пользуясь короткими минутами свободы: болтали, курили, я травил анекдоты, и бойцы весело и громко смеялись. Незаметно подошли к двухэтажному зданию гарнизонной гауптвахты. На крыльце стоял офицер. Сержант, при виде начальства, приказал нам построиться, сам встал впереди, автоматчик сзади. Мы организованно подошли к зданию.

Щеголеватый старший лейтенант – начальник гауптвахты – стоял, покачиваясь на носках блестящих хромовых сапог. Он насмешливо осмотрел сверху наш маленький конвой. Сержант, браво топая разбитыми кирзачами, подошел к начальнику и доложил. Офицер сразу нашел кучу недостатков при «конвоировании арестованных на гарнизонную гауптвахту».

– Ты почему шел вместе с арестованными? – привязался он к сержанту. – Начальник конвоя должен идти сбоку, а конвоир сзади. Придется тебе изучить устав строевой и гарнизонной службы в уютной одиночной камере гауптвахты. Три дня тебе хватит?

Сержант испугался. Гарнизонная губа славилась своими крутыми порядками. Но старлей был в хорошем настроении и сержанта отпустил. Они с автоматчиком припустили чуть ли не бегом. Начальник пролистал наши документы:

– А, старые знакомые. Это вы на милиционера напали? Добро пожаловать! – усмехнулся он.

По вызову офицера прибежал маленький кривоногий ефрейтор с автоматом и повел нас в обход здания. На его звонок открылась железная дверь в глухой бетонной стене, и другой караульный впустил нас. Внутри размещался небольшой, идеально выметенный, асфальтированный плац. Четвертой стеной служило двухэтажное здание гауптвахты с массивной железной дверью и маленькими зарешеченными окнами под самой крышей.

Все камеры были пустые и обитые железом, двери с «глазками» открыты настежь для проветривания.

Ремни и пилотки надо было сдавать в каптерку. Караульный отвел нас в уютную камеру с деревянным столом посередине и двумя скамейками.

– Неужели кроме нас больше никого нет? – удивился Абраша.

– На работе все, к обеду будут, – рассмеялся караульный. – В большой камере сидит тридцать два человека, в основном стройбатовцы – там к ночи не продохнуть. В этой вместе с вами теперь будет двенадцать арестованных – в основном курсанты училищ. Одиночки пустые, а в двухместной камере для сержантского состава мается старшина сверхсрочник. Курили уже? – караульный достал из кармана гимнастерки пачку сигарет.

– Нет ещё, – признался Абраша, – вроде нельзя, да и нечего.

– Пошли в туалет, я дам вам покурить. Если зайдет начкар или начгуб, сразу хабарики в унитаз бросайте, поняли?

– Кто зайдет? – не понял я.

– А что такое хабарик, знаешь? – усмехнулся караульный. – Начкар – это начальник караула, офицер из какой-нибудь части, который вместе с нарядом на сутки заступает на дежурство для охраны комендатуры и гауптвахты, а начгуб – начальник гауптвахты, он здесь служит постоянно, – разъяснил автоматчик. – Вы что, салаги?

Абраша засопел, обидевшись за салагу, но спорить с караульным не стал.

Мы прошли в туалет и спокойно покурили.

– А патроны вам дают? – поинтересовался Абраша у караульного.

– Выдали на весь наряд два рожка с боевыми, но капитан их отобрал и держит у себя. У нас в роте есть один боец, который как встанет на пост, так сразу начинает очередями палить из автомата в воздух и кричать: «Нападение на часового!» Тут переполох, все к нему. А он с глупым видом заявляет: «Мне показалось, и я испугался». Под идиота косит – комиссоваться хочет. И многим понравилась из автомата на посту стрелять. Вот капитан и отбирает патроны.

Мы вернулись в камеру. Начкар – капитан ПВО тут же приказал нам вымыть бетонные полы в камерах и туалете. Не успели мы закончить, как явился начальник гауптвахты и отправил нас прочищать канализационные люки под руководством старшины сверхсрочника.

Старшине было тридцать девять лет. Во время войны в блокадном Ленинграде его чуть живого голодного мальчишку подобрали матросы с тральщика. Три года он вместе с ними плавал юнгой по минным полям Финского залива, а потом остался служить во флоте на сверхсрочную. Старшина получил трое суток ареста за опоздание из отпуска и отбывал арест в камере для сержантского состава. На работу его не посылали, но сидеть одному в пустой камере целый день было невыносимо. Поэтому старшина вызвался чистить люки добровольно. Начальник гауптвахты относился к старшине с большим почтением и даже не обращал внимания на то, что тот, грубо нарушая устав, курил где угодно.

Сундук, как солдаты называли сверхсрочников, угостил нас сигаретами. Перед обедом мы прочистили засорившуюся трубу между двумя люками, вода ушла, и дерьмо толстым слоем осело на дно. Старшина заметил, как мы с Абрашей воротим носы от вонючего люка, и предупредил:

– После обеда напроситесь на любую другую работу, потому что специальной лопаты нет и кого-то заставят лезть в люк вычерпывать дерьмо. Гимнастерка так провоняет, что в камере спать невозможно будет, а у вас ещё целых десять полетов впереди.

– Каких полетов? – удивился Абраша.

– Запомните, когда по команде «отбой» на гауптвахте наступает темное время суток, всем губарям выдаются деревянные лежаки, которые здесь называют самолетами, а ночи, проведенные на них, полетами.

Мы вернулись в камеру и скромно присели на скамейку. Через несколько минут лязгнул засов двери и ввалилась шумная толпа курсантов.

– Салют! – приветствовал нас высокий красивый парень в морской форме с тремя курсовыми нашивками.

Курсант-медик был старшим по камере. Он крепко пожал нам руки. Из-за его спины вывернулся небольшого роста прибалтненый матросик и двинулся к нам «походкой пеликана». Он резко выбросил ладонь, сложенную лодочкой, с явной целью напугать меня.

– Здравсте! Не ссы, матрос салагу не обидит.

Я от души крепко сжал его хлипкую ладошку, так что слабенько хрустнули пястевые косточки. Матрос от неожиданности заорал и волчком завертелся на месте. В дверь ворвался караульный с автоматом, посмотреть, кого это порешили в камере.

– Извини, не рассчитал, – я не ожидал, что все так получиться.

Курсант-медик осмотрел руку матроса.

– Ничего, кости целы, – констатировал он. – А вы, новички, марш на кухню за обедом.

Кухня была маленькая, площадью в несколько квадратных метров. Почти треть занимала большая дровяная плита.

– Бойцы, вы из какой части? – уставился на меня повар – коренастый белобрысый парень.

– В/ч 32524, – ответил Абраша.

– Вы курсанты из университета, – вспомнил повар, – в наряде по залу дежурили. А ты стройбатовцев по головам поварешкой лупил? Стройбатовцы потом украли чайник, и Кварц троим бойцам по десять суток за воровство отвалил. Они здесь сидят в большой камере.

Повар доверху наполнил жирными щами двенадцать алюминиевых мисок, и мы на подносах отнесли их в камеру. Нас с Абрашей как новичков посадили с краю стола. Когда стали есть первое, то все дружно встали, скамейки наклонились и мы с Абрашей кувырком полетели на пол.

– С пропиской вас! – засмеялся курсант-медик.

Все заржали, но мы не обиделись.

– Хорошо сидеть в одной камере со старшим поваром части! – высказался прибалтненый матрос, уплетая двойную порцию мясного рагу.

После обеда, полчаса отдыха.

Курсант – старший по камере разлегся на лавке, остальные уселись на полу, привалившись спиной к бетонной стене.

– Эх, мужики, завтра мой срок заканчивается, – размечтался старший по камере.

– За что ты на губу попал? – поинтересовался Абраша.

– Пронесли в казарму две бутылки вина – отпраздновать мой день рождения. А дежурный офицер нас засек, бутылки отобрал и спрятал в металлический ящик, чтобы на утреннем построении вылить зелье на траву газона при всех курсантах. Ночью мы пробрались в кабинет дежурного офицера и, пока тот крепко спал, вынесли металлический ящик в коридор, встряхнули его, так что бутылки внутри разбились, и через угловую щель аккуратно слили вино в котелок. А ящик вернули на место. Дежурный офицер проснулся и зачем-то полез в ящик, а там битые бутылки. Он

сообразил в чем дело, бросился на поиски и застал нас в туалете, распивающих вино прямо из котелка. В тот же день генерал отвалил нам по семь суток ареста.

Помимо трех курсантов из Военно-медицинской академии и четырех из ЛАУ – Ленинградского артиллерийского училища в камере сидели три солдата срочной службы. Один был поваром на кухне нашей части, откуда, кстати, и приносили на гауптвахту обеды. Вторым был старший матрос дважды Краснознаменного Балтийского Флота с легендарной фамилией Кошка, которому я слишком крепко пожал руку. Третьим был каптерщик.

– Наша боевая задача – грозить американам ядерной елдой, – ответил Кошка на вопрос Абраши о месте его службы.

Неожиданно лязгнул засов и в камеру вошел начальник гауптвахты.

– Встать, смирно! – зычно выкрикнул курсант-медик, поспешно вскакивая со скамьи. – Товарищ гвардии старший лейтенант! Арестованные отдыхают после обеда.

– Ну, что, медицина, – старлей панибратски хлопнул курсанта по плечу, – завтра кончается твой срок?

– Так точно! – курсант не мог скрыть радость.

Начальство это заметило.

– Жалко с тобой расставаться, хороший ты парень. Может, останешься ещё на пару суток? Математикой вместе позанимаемся, а то без тебя завалю экзамены в академию.

Курсант молчал, понимая, что начальство изволит шутить и мешать ему не следует, а то что-нибудь не так поймет и получишь ещё трое суток.

– Что молчишь, решил, остаешься?

– Никак нет! – с напряжением в голосе ответил курсант.

– Ладно, шучу, – успокоил его старлей, – кого рекомендуешь назначить вместо себя старшим по камере?

Медик протянул руку, указывая почему-то на меня. Начальник гауптвахты сурово оглядел меня с ног до головы и вдруг резко крикнул:

– Ну!?

– Курсант Белов! – сообразил я представиться.

– Вот так, гвардеец, будешь старшим по камере, – начальник гауптвахты хлопнул меня по плечу и сломал запрятанную в погон сигарету, подаренную мне караульным.

Вдруг начгуб разозлился и рявкнул:

– Ну!?

– Есть! – выкрикнул я.

– Ты, что глухой или заторможенный? – старлей, подозрительно осмотрел меня. – Командуй, старший по камере.

– Смирно! – крикнул я.

– Вольно, отдыхайте, – старлей вышел из камеры и за его спиной лязгнул засов толстой, обитой железом двери.

– А что должен делать старший по камере? – спросил я курсанта-медика.

– Масло за завтраком делить будешь, – влез в разговор Кошка, – на четыре части. Одну самую большую оставляешь себе, а остальные три четверти мы разыграем на морского.

– Увидишь, – пообещал курсант.

Снова лязгнули засовы и нас вывели на плац для распределения на работу.

– Пять человек на разгрузку вагонов с углем, – объявил старший лейтенант.

Мы с Абрашей дружно сделали два шага вперед.

– Не надо выходить из строя, – поморщился старлей, – достаточно сказать: – «Я!»

Дальше пошли распределения на всякие подсобные работы.

– Ну, а теперь самое легкое, – объявил старший лейтенант, – чистить люки на территории гауптвахты. Кто желает?

Строй молчал. Все были умные и знали что почем.

– Никто не хочет? – насмешливо удивился старлей, гоголем прохаживаясь перед строем. – Десантник! – офицер ткнул пальцем в коренастого белобрысого парня. – Я сегодня утром добавил тебе двое суток за курение в камере?

– Так точно! – нехотя ответил десантник.

– Полезешь в люк – отменю!?

– Сам полезай, – спокойно и с достоинством ответил парень.

– Молчать! – заорал старлей. – Или я сейчас буду зверствовать! Досидишь срок в одиночке! Ну, кто желает?

Молчание стало напряженным и неодобрительным.

– Каптерщик, полезешь?

– Нет!

– Тоже пойдешь в одиночку! Матрос?

Кошка поправил на голове бескозырку и вызывающе уставился на офицера. Я хоть и не телепат, но тут вдруг совершенно отчетливо уловил фразу, которую старший матрос дважды Краснознаменного Балтийского Флота адресовал начальнику гарнизонной гауптвахты. Старлей тоже все понял.

– В одиночку! – взвизгнул он, хотя прекрасно знал, что одиночек больше нет.

Так никто и не согласился на дурную работу.

– Ладно, – сдался начгуб, – старшина, возьмите машину, поезжайте к ассенизаторам и достаньте у них лопату на длинной ручке.

– Как будто не мог сразу так сделать! – недовольно пробурчал Абраша.

Под конвоем часового мы отправились на железнодорожную станцию. К счастью, вагоны с углем еще не подошли, и нам досталась разгрузка апельсинов. Наелись до отвала. Военнослужащие знали, что губарям запрещено курить, и насовали нам столько сигарет, что мы растерялись от такого богатства.

– Я отдам их повару, – предложил караульный, – он прячет сигареты в поддувале плиты. Будет потом выдавать по одной. Иначе если будет шмон, то ещё пару суток схлопотать можно.

– Какой шмон? – переспросил Абраша.

– Ну, обыск значит.

Не доходя метров триста до здания гауптвахты, мы остановились у забора части выкурить по сигарете. Вдруг из калитки вышел подтянутый офицер и, заметив нашу компанию, молча и неодобрительно уставился на нас. Ребята спрятали бычки за спины.

– Эй, вы! – крикнул офицер, пристально глядя на нас. – Ко мне!

– Давайте убежим, – тихо предложил я, – не погонится же он за нами.

– От службы не убежишь. В комендатуру может позвонить – расстроился караульный, пряча автомат за спину, – и меня сразу к вам посадят.

– Ко мне! – зычно крикнул офицер.

Самый опытный губарь стройбатовец Никита, отсидевший на гауптвахте в общей сложности сто двенадцать суток, достал из-за спины бычок,

затянулся, бросил окурок в урну, и не спеша, вразвалочку направился к офицеру.

Мы думали, что офицер начнет громко орать на Никиту, но они на удивление мирно и тихо поговорили. Никита бегом вернулся назад. В руках у него была пачка дешевых сигарет.

– Это не офицер, а сундук (так называли в армии сверхсрочников), – пояснил нам Никита. – Просто выглядит как генерал, выправка отличная. Мы с ним в прошлом году на губе вместе сидели.

На гауптвахте мы сняли в каптерке ремни и пилотки.

– Студенты, – окликнул нас повар, – за мной! Айда за ужином.

Мы снова надели ремни и пилотки.

– Это термос для чая, а тот для второго, – пояснил повар. – Каждый термос несут на палке два человека. Сбегай в нашу камеру и позови еще троих.

– Наши еще с работы не подошли, есть только стройбатовцы.

– Возьми стройбатовцев.

В большой камере было человек двадцать, возвратившихся с работы. Все бросились ко мне, упрашивая взять их с собой. Я выбрал Никиту и еще двух ребят, с которыми сегодня разгружал апельсины.

В столовую мы шли мимо нашей казармы. Я отпросился у повара на пять минут взять из тумбочки пачку сигарет. Ребята удивились моему появлению и насовали мне кучу сигарет. Биологи упрашивали меня спеть «Парашюты» Анчарова и совали в руки гитару.

У забора меня ожидали повар и другие ребята.

– Ты песни орал? – зашипел на меня повар.

– Ребята просили, – извинился я.

– Хорошая песня! – повар тщательно растер каблуком сапога окурки сигареты. – В столовую шагом марш! – приказал он.

После ужина в камеру вернулся повар, перемывший на кухне всю посуду.

– Закуривай, мужики, – предложил он, доставая из кармана гимнастерки несколько сигарет.

– Только по очереди, – распорядился курсант-медик.

Первым сигарету почему-то дали мне.

– Дым пускай вдоль стены, – предупредил меня повар. – Сырая штукатурка быстро впитывает дым и в камере не пахнет. Пепел стряхивай на ладонь, а потом разотри, чтобы не было комочков и сдуй на пол.

За мной по очереди покурили все остальные.

– А теперь для вновь прибывших медосмотр, – объявил курсант-медик.

– Не бойтесь, это нам для практики, – успокоил нас второй курсант.

Абрашу уложили спиной на лавку и два медика прослушали его легкие и простучали грудь. Курсанты с многозначительным видом обменивались заумными медицинскими терминами.

– Какие у тебя большие миндалины, – удивились медики, заглядывая Абраше в рот, – надо удалять.

– Что, прямо сейчас? – испугался Абраша.

– А чего тянуть? Две петли накинём и готово!

Неожиданно громыхнул засов двери. В камеру вошли начальник гауптвахты и начальник караула.

– Встать, смирно! – крикнул я.

Лейтенант понюхал воздух и спросил:

– Почему в камере накурено?

– Все молчали.

– Так, старший по камере, кто курил? – старлей насмешливо взглянул на меня.

– Не могу знать! – ответил я.

– Тогда двое суток ареста, чтобы в следующий раз знал, – влез в разговор капитан, желая показать, что он все-таки старший по званию.

– Есть двое суток ареста, – нехотя ответил я.

Офицеры вышли из камеры и за ними лязгнул тяжелый засов двери.

– Ну, понял, за что старшему по камере полагается четверть всего масла? – ухмыльнулся Кошка.

– Да, в этой должности я смогу встретить здесь Новый год.

Во дворе громко хлопнула железная дверь – офицеры ушли в помещение комендатуры.

– Ну, что, Старшой, покурим? – повар, как фокусник, вытащил из рукава сигарету и испытующе на меня посмотрел.

Я махнул рукой и взял предложенную сигарету. Абраша при помощи иголки достал спичку, запрятанную в щель крышки стола, и, чиркнув ею о стену, дал мне прикурить.

– Не бойся, – успокоил меня курсант-медик, – по уставу больше пятнадцати суток за один раз не положено. Когда я был старшим по камере, мне раз десять объявляли по двое суток. Начгуб зверствует только утром или днем, а вечером добрый.

Все курили по очереди.

До отбоя ребята с азартом играли в «ножницы и камень». Абраша ввязался в какую-то азартную игру на пальцах типа «морского» и, к моему удивлению, обыграл всех и выиграл три четверти завтрашнего утреннего масла.

Повар оказался земляком и жил в Невском районе. Он сразу проникся ко мне уважением и рассказал, как получил десять суток ареста.

– В нашей части служит один парень ростом два метра пять сантиметров по прозвищу Мотыль. По уставу ему положено две порции еды, но это не оформлено приказом. Я всегда отпускал Мотылю вторую порцию. Но тут дежурным по столовой был Говнюк. Как только Мотыль подошел со своей миской к раздаточному окну, он разорался и объявил ему два наряда за хождение по столовой. Я культурно разъяснил сундуку, что еды много остается: два бачка каждый день в свинарник отправляем, почему не дать человеку вторую порцию? Говнюк стал орать на меня и оскорблять, а я этого не переношу, ну и, сгоряча, одел ему на голову бачок с пшенной кашей. Помощник дежурного по столовой сразу бросился в офицерский зал – докладывать начальству о происшествии. А Кварц с офицерами пил кефир с похмелья.

«Товарищ полковник, – докладывает ему сержант, – в столовой ЧП. Товарищ повар надел на голову товарищу старшине бачок с горячей кашей».

«Ну и что?» – не врубился Кварц.

«Товарищ повар надел на голову товарищу старшине бачок с горячей кашей», – повторяет сержант.

Тут Кварц разорался: «И что? Я должен идти снимать бачок?»

А на другой день мне десять суток отвалили за оскорбление младшего командира.

– По самолетам! – раздался в коридоре голос часового.

Двери нашей камеры открылись. Толпа курсантов бросилась во двор к ангару, где рядами стояли деревянные лежаки, именовавшиеся самолетами. Мы с Абрашей сразу не поняли из-за чего такой ажиотаж – лежаков хватало

на всех. В темном сарае курсанты торопливо выбирали самолеты, ощупывая рукой доски. Я взял первый лежак, стоявший у входа, и в камере при ярком свете понял, что дал маху. Проведя по доскам рукой, я убедился, что они шероховатые и за время ночного полета подарят мне добрую сотню острых заноз. Я повернул назад, но часовой уже закрыл камеру. По коридору за самолетами с ревом бежали стройбатовцы.

Спать надо было прямо в гимнастерке. Мой самолет оказался еще и сырой. Запасливые курсанты застелили изголовье своих лежаков носовыми платками, чтобы не ложиться лицом на дерево. Хитрый Абраша выкрал в каптерке свою пилотку и пристроил ее вместо подушки. Самолеты уложили на полу в ряд, так чтобы головы оказались под столом и в глаза не бил свет двухсотсвечевой лампочки, горевшей под потолком круглые сутки.

Ребята на удивление быстро захрапели на разные голоса. Я ворочался и никак не мог уснуть. В камере было душно, воняло солдатским потом и портянками. А если б мы с Абрашей полезли в люк с дерьмом? В жизни всегда так, если захочется чего-то хорошего, то этого не дождешься, а стоит только подумать о какой-нибудь гадости, как она тут же случается. В камере раздался звук, напоминающий вой падающей мины, закончившийся четким хлопком, характерным, как нам говорили, для разрыва химических снарядов. Камеру наполнил невыносимый запах, словно облегчился обожравшийся горохом гиппопотам. Обидно было одному наслаждаться ночными ароматами, и я заорал на всю гауптвахту:

– Газы!

Курсанты проснулись и разделили со мной прелести бытия. Загремел засов двери и перед нами предстал свирепый начкар.

– Старший по камере кто орал? – закричал он. – Фу, черт, навоняли!

– Не могу знать! – строго по уставу отрапортовал я, приподнимаясь на локте.

Начкар отпрянул, и дверь поспешно закрылась, чтобы не выпустить в коридор «вонючего джинна».

От раздражения, вызванного духотой и вонью, было не уснуть. Я ворочался и думал, каково должно быть в настоящей тюрьме, когда впереди не десять суток, а десять лет. Еще не прошло и суток, как нас посадили в камеру, а впечатлений море. И, главное, время тянулось ужасно медленно.

Я пытался считать овец, но Морфей обиделся на меня, и сон не приходил. В голову лезли разные мысли. Вскоре после окончания сборов надо было ехать на три года на работу по распределению. Как поется в старой студенческой песне:

«Если не попал в аспирантуру,
Собирай свой тощий чемодан,
Обними папашу, поцелуй мамашу,
И бери билет на Магадан».

Меня давно тянуло на Север, в полярную ночь, где мчатся над тундрой белые метели, освещенные сполохами разноцветного полярного сияния. Но чтобы выиграть одно из четырех мест в Магаданское геологическое управление, мне не хватило одной сотой балла. И я распределился в заполярную Воркуту на попутные поиски урана.

Рядом на лежаке причудливо храпел Абраша. Курсанты подпевали ему на разные голоса. Тот, кто храпит, всегда засыпает первым. Овцы разбегались, и сон не приходил.

Я вспомнил, что до отъезда надо обязательно познакомиться с одной красивой девушкой, которая жила в соседнем дворе. Вот уже пять лет я издали наблюдал за ней и не решался заговорить.

С такими приятными мыслями я под утро забылся сном.

– Гауптвахта, подъем! Самолеты в ангар! – завопил караульный в шесть часов утра.

Обычно в казарме я просыпался за несколько минут до подъема и лежал, ожидая, когда дневальный у входа в казарму заорет:

«Дивизион, подъем!»

И эхом отзовутся команды взводных: «Первая батарея подъем! Вторая батарея подъем! Третья батарея подъем!»

Я испугался, что проспал, хотел вскочить на ноги и, забыв, что лежу под столом, больно стукнулся головой о перекладину.

И тут я обнаружил источник запаха, который не давал мне уснуть полночи. Абраша засунул свои портянки под изголовье моего деревянного лежака. Увидев чужие портянки, я пришел в бешенство, дернулся и снова стукнулся головой о перекладину стола. Довольный Абраша светился от счастья, пытаюсь при этом сохранить сочувствующее выражение лица.

Лязгнул засов камеры, и нас выпустили во двор убрать в ангар самолеты. Утро было теплое. На идеально выметенном плацу лежал один единственный желтый лист. Счастливый губарь, которому с утра досталась уборка территории, сосредоточенно гонял этот лист метлой от одного края плаца до другого и обратно, чтобы продлить работу на свежем воздухе.

До завтрака еще целых три часа, а делать совершенно нечего, и спать хочется до невозможности. Опытные губари придвигали стол к стене, так чтобы через глазок был виден только его угол, и по очереди спали в мертвой зоне.

Но у меня быстро затекали руки и ноги, а на лице появлялись красные пятна. Курсанты-медики показали, как надо спать сидя: вытянуть ноги, а голову положить на бицепс прямой левой или правой руки. В такой позе спишь не хуже чем на койке.

Наконец, пришло время утренних занятий по строевой подготовке. Начальник гауптвахты обычно принимал утренний парад, стоя у входа в свой кабинет. Каждый арестованный должен был пройти мимо него строевым шагом и отдать честь. Конечно, все отдавали честь не старлею, а водосточной трубе. Строевым шагом, отбивая удары подошвами кирзовых сапог, курсанты и солдаты по очереди приближались к старлею, резко повернув голову вбок и, задрав вверх подбородок, вскидывали руку к пилотке. Те, кто, по мнению старлея, отдал честь нормально, отходили в сторону и гуляли по двору. Кому не везло, тот проходил строевым шагом мимо начгуба еще и еще.

Первыми шли курсанты. Будущие офицеры продемонстрировали отличную строевую подготовку. Мы с Абрашей тоже прошли с первого раза, а вот почти все стройбатовцы шли по два, а то и по три раза. Последними остались трое: Кошка, десантник и каптерщик. Все они были злые на старлея и мстили ему как могли. Кошка прошелся блатной походкой, задрав подбородок и выпятив куриную грудь, о которую, по его словам, «бились и разбивались волны Атлантического океана». Кошка небрежно вскинул руку к бескозырке и сделал такое лицо, что губари весело заржали. Десантник нарочно хромал, смешно подтаскивая ногу и, проходя мимо офицера, смотрел на него с нескрываемой злобой.

– Ну, что ты хромаешь? Рожать, что ли собрался? – не выдержал начальник гауптвахты.

Каптерщик был хитрее и изображал из себя иноходца от природы. Он шел левая рука – левая нога. Все просто катались от смеха, глядя на это представление. Старлею надоело гонять по плацу убогую троицу, и всех развели по камерам.

Наконец загремел засов и в дверях появился старший повар. Он молча указал рукой на меня с Абрашей и еще на двух ребят, приказывая нам идти в часть за завтраком. Мы бросились в каптерку – надевать ремни и пилотки. Термосы для чая и для второго несли на длинных палках двое солдат, а повар нес кастрюлю для масла и сахара. Когда гауптвахта скрылась из виду, повар достал пачку сигарет и всех угостил. Мы присели на бревна и закурили.

За завтраком при помощи черенка вилки я разделил на четыре части кусок сливочного масла. Кошка толкнул меня в бок и нарочито громко произнес:

– Себе, себе, себе больше режь, не стесняйся! – и тихо добавил: – И мне потом дашь кусочек.

Я разделил масло на четыре доли и одну взял себе. Кошка вертелся рядом на скамейке, всем своим видом давая понять, что если я собираюсь его угостить, то он не обидит меня отказом. Я отдал Кошке половину масла.

Абраша, выигравший на пальцах все остальное масло, тоже взял себе лишь одну четверть, а две отдал на общество.

Курсанты сразу же разыграли эти два куска на «морского».

После завтрака на разводе мы с Абрашей выбрали строительные работы на территории нашей части и угодили в распоряжение старшины сверхсрочника Гнатюка.

– Знакомые все лица, – ехидно усмехнулся старшина. – Будете копать канаву от забора и до обеда, – приказал он и заржал над старой армейской шуткой, – и не бойтесь, копайте глубже, здесь вам не Англия, – добавил он и заржал еще громче. – Что студенты прищурились, не нравится? – ухмыльнулся старшина. – Тогда будете копать до упаду, но без обеда, поняли? Сигнал к началу работы – три зеленых свистка!

– А может сначала, все кирпичи собрать в кучу и сжечь? – съехидничал Абраша.

– Караульный! – подозвал я автоматчика. – Отведи нас на гауптвахту и доложи начальству, что старшина Говнюк издевается над арестованными!

– Моя фамилия Гнатюк! – заорал старшина.

Мы развернулись и отправились назад на гауптвахту.

– Что вы, хлопцы, уже и пошутить нельзя? – испуганный старшина догнал нас возле КПП. – Без доброй шутки да прибаутки какая работа? Ну, мир? Закуривайте.

Старшина не хотел нарываться на неприятность. Мы – тоже и поэтому долго зла не держали, а взяли по предложенной сигарете. До обеда мы копали траншею вдоль забора.

На третий день освободился повар, Абрашу назначили старшим по камере, а меня сделали поваром на кухне гауптвахты. Это было самое теплое местечко на губе в прямом и переносном смысле. Моя работа заключалась в том, чтобы приносить из столовой части на гауптвахту термосы с обедом, завтраком и ужином. Я всегда нес самое ценное масло и сахар, а потом раскладывал еду по мискам, и дежурные на подносах

разносили их по камерам. После еды я грел на плите воду в баке и мыл посуду и термосы.

Привилегия повара состояла ещё и в том, что он первый мог идти в ангар и выбрать самый лучший самолет. Я присмотрел себе один широкий, до блеска отполированный гимнастерками сотен солдат. Все в камере называли мой самолет «Антей».

Под сахаром я проносил на губу сигареты и прятал их в поддувале плиты. Солдаты и курсанты, опасаясь шмона, отдавали мне все сигареты, которые им удавалось достать днем во время работы. Отпросившись в туалет, губари забегали ко мне на кухню и я давал им несколько сигарет. В одиночки я разносил обед сам. Под миской в руке я всегда держал несколько сигарет. Десантник взял миску и, почувствовав сигареты, крепко пожал мне руку.

В столовой хлеборез всегда отпускал на губу две лишние буханки черного хлеба. Я резал хлеб кубиками и сушил на противне сухарики, которые пользовались у губарей большим спросом.

Почти каждый день кто-то освобождался из-под ареста и кого-то сажали. Вместо курсантов Военно-медицинской академии к нам в камеру посадили ефрейтора-свинаря. Славка был не просто свинарь, а чемпион военного округа по боксу в легком весе и по утрам мы с ним боксировали в углу камеры, играя в «пятнашки». Славка получил десять суток за воровство, и только чемпионский титул избавил его от трибунала и дисциплинарного батальона.

– Умрет, к примеру, на ферме поросеночек – рассказывал Славка, – я вызываю капитана и докладываю: «Издох!» Капитан удостоверяется в смерти животного и приказывает мне: «Закопать!» И сам лично наблюдает за погребением. Как только он уходит, я поросеночка выкапываю, обмою и в холодильник, а через неделю снова вызываю капитана, показываю поросенка и докладываю: «Издох!» Он опять осматривает поросенка и приказывает: «Закопать!»

Я закапываю, потом выкапываю и снова в холодильник. А лишнего поросеночка... хлоп... и на сковородку.

Но капитан заподозрил, что мёртвый поросенок вроде один и тот же, и для проверки незаметно засунул ему в нос горелую спичку, а я её не углядел, и в результате получил десять суток гауптвахты. Ты после губы обязательно приходи ко мне в свинарник. – Славка растер кулаком сломанный боксерский нос, – я тебя жареной поросятиной угощу.

Однажды утром, отправляясь за завтраком, я обнаружил на лавочке перед входом на гарнизонную гауптвахту стройбатовца Никиту. Он отсидел свои очередные десять суток из ста восемнадцати.

– Что же, завтракать не будешь? – спросил я.

– Не, я в роте поем.

– А вдруг никто за тобой не придет из части?

– Меня там банкет ждет. Я за одного грузина сел, а он мне обещал магарыч.

– Тогда сегодня опять на губу вернешься.

– Не, завтра или послезавтра, никак не раньше. Мне кореша должны были наряды на работу закрыть.

Вечером, возвращаясь из столовой части с ужином, мы наблюдали, как патрульные волокут на губу вдрызг пьяного солдата. Это был Никита, вкусивший несколько часов свободы.

На другой день, во время разгрузки вагонов, из-под конвоя сбежал матрос Кошка. Это было неслыханное ЧП. Часового, допустившего побег, тут же посадили в КПЗ. Мы сначала недоумевали. Куда бежать с губы? В часть? Там узнают о побеге в тот же день, достаточно начальнику караула позвонить по телефону. Если бежать домой, то можно загреметь под трибунал и получить год дисциплинарного батальона. Бежать с губы все равно что «сесть назло врагу голым задом в крапиву». Но факт есть факт – Кошка сбежал, и его нигде не могли найти.

А предыстория была такова. Неделю тому назад Кошку взял патруль около пивного ларька и, конечно, документов при нем не было. Его посадили, как и положено, в КПЗ и сообщили на военно-морскую базу. В комендатуру позвонил командир дивизиона, в котором служил Кошка, и попросил оставить матроса на гауптвахте на десять суток. Записку об арестовании обещал прислать позже. Кошку перевели из камеры предварительного заключения на гауптвахту, но записка об арестовании на него так и не пришла, а это было грубейшим нарушением устава.

Наконец, к вечеру выяснилось, что старший матрос Кошка вот уже месяц находится в море на своем корабле. А кто сидел у нас в камере и назвался его фамилией, так и осталось загадкой.

На девятые сутки моя небритость стала переходить в бородатость и я уже подумывал, не отпустить ли мне бороду, как в экспедиции. Но как назло появился новый начальник караула, который, осмотрев губарей, объявил:

– Что вы за ногти отрастили? Как у орла, хоть по деревьям лазай. И волосы придется обрезать: что-что, а это у вас всегда отрастет. Вот тут есть бритвы, – начкар достал коробочку со старыми лезвиями «Нева», – ими карандаши точили, но ничего, вам побриться можно. И обязательно всем подстричься, у меня есть машинка.

Меня так и подмывало сказать начкару что-нибудь обидное, но получать ещё трое суток за пререкания с начальством не хотелось. Во время похода за ужином я забежал в казарму и взял в своей тумбочке пачку безопасных лезвий «Ленинград» из нержавеющей стали, и обеспечил ими всех губарей.

Но разболтанная и тупая машинка была похуже, чем старые лезвия «Нева». По приказу начкара каптерщик стриг ребят в туалете, если вырывание волос с помощью тупой машинки можно назвать стрижкой.

В нашей камере больше всех расстраивался курсант-артиллерист, у которого через неделю была назначена свадьба. У парня голова имела какую-то странную угловатую форму с намечающейся лысиной, а волосы были сухие и ломкие, так что если его подстричь этой машинкой, то смело можно пугать детей.

– Пойду к начкару! – решительно заявил артиллерист и, постучав ногой в дверь камеры, заорал. – Часовой!

Через десять минут довольный артиллерист явился в камеру и объявил, что начкар смягчился и решил оставить в покое всех будущих офицеров. Но остальных ребят, в основном стройбатовцев, каптерщик обкорнал тупой машинкой.

Утром, когда я проходил мимо кабинета начальника караула, то заметил на освещенном солнцем столе миску с темными спелыми вишнями. Лейтенант баловал себя витаминами. Совершенно машинально я съел пару штук, а самую спелую ягоду пристроил на стул начкара, положив её так естественно, будто она случайно упала сама.

Когда нас отправляли на губу, Абраша спрятал в погоне рубль.

В ответ на мою иронию по поводу необходимости денег на губе Абраша только ухмыльнулся:

«Это в казарме рубль мне будет не нужен, а на губе пригодится».

Тем, кто сидел на гауптвахте больше семи суток, по уставу полагалась баня. Из долгожителей на губе остались я, Абраша и Никита. После обеда все отправились на работу, а мы под охраной часового – в городскую баню. А это был мой день рождения. Я справлял день рождения два раза на Памире, на Дальнем Востоке, в Карелии и вот теперь на гауптвахте.

– Для помойки в баню становись! – скомандовал нам автоматчик.

Мы вышли из расположения гарнизона. Я достал пачку сигарет. Все закурили, караульный тоже.

В бане продавалось разливное пиво. Мы купили большую кружку выводному, большую кружку мне и всем остальным по маленькой.

Каждый раз, отправляясь за обедом или завтраком в столовую части и проходя мимо нашей казармы, я отпрашивался у караульного и забегал к ребятам покурить и узнать как дела. Наш взвод усиленно готовился к боевым стрельбам, и занятия на винтполигоне шли полным ходом. Винтполигоном назывался учебный комплекс, на крыше которого в мансарде были установлены станковые пулемёты. На улице, перед широкими окнами классов среди искусственных крошечных холмов, раскинулись игрушечные деревни и хутора, а около лесных опушек прятались махонькие батареи противника. Из окна класса декоративный пейзаж выглядел так, словно сидишь на наблюдательном пункте. По шесть часов в день ребята тренировались в стрельбе с закрытых огневых позиций. Это когда стреляющий офицер находится на НП около передовой, а батарея в нескольких километрах сзади. Самое главное в такой стрельбе – скорость и точность расчёта данных. После того как ты ответил: «Цель вижу, понял», – время пошло. Надо быстро рассчитать исходные данные для стрельбы: направление, уровень, прицел и по телефону передать их на батарею.

Оператор выставлял исходные данные на пульте управления пулемётом и ствол автоматически поворачивался. При нажатии на красную кнопку раздавался выстрел. Разрывная пуля, попадая в землю рядом с целью, словно крошечный снаряд поднимала облако пыли.

Мы с Абрашей волновались из-за того, что сильно отстали от ребят. Каждый день я забегал в нашу казарму и забирал задачи по стрельбе, которые Мишка Федоров и Женя Говоров переписывали специально для нас с Абрашей. После ужина на губе самое тоскливое время и мы уговорили курсанта из ЛАУ потренировать нас в стрельбе с закрытых огневых позиций. Курсант стрелял как настоящий бог войны, перекрывая все нормативы. В конце срока мы с Абрашей стреляли на пять баллов по всем видам задач и при любом расположении огневой позиции относительно наблюдательного пункта.

И вот, наконец, закончились наши десять суток. За нами явился знакомый сержант.

– Ну, как? – поинтересовался он, пожимая нам руки. – Как ощущения?

– Не передать! – ответил Абраша. – Это надо обязательно испытать самому.